

ЛИЧНОСТЬ И ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ

Г.А. Новичкова

КОНЦЕПЦИЯ «ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА» (СОВРЕМЕННАЯ АРАНЖИРОВКА ВЗГЛЯДОВ Г. МАРКУЗЕ)

***Аннотация:** в статье анализируется «критическая теория» индустриального общества Г. Маркузе, которая нашла свое выражение в его книге «Одномерный человек» (1964). В ней исследуется состояние индустриального общества, которое в результате технического прогресса установило тотальный контроль над человеком во всех сферах его деятельности. «Критическая теория» индустриального общества Маркузе не смогла найти эффективный путь построения нового общества, поэтому Маркузе приходит к «Великому Отказу» как от капиталистической, так и от социалистической системы.*

***Ключевые слова:** педагогика, философская антропология, одномерный человек, одномерное общество, умиротворенное общество, культура, марксизм, экзистенциализм, экзистенции, негативная диалектика.*

Герберт Маркузе (1898-1979) — философ, социальный критик, один из значительных представителей Франкфуртской социологической школы, построивший свою «критическую теорию» индустриального общества, обративший внимание на состояние человека в индустриальном обществе.

Тема «критической теории» индустриального общества в отечественной философской литературе обсуждалась еще в 60-е годы XX в., когда развитые общества находились на индустриальном пути своего развития. В настоящее время этапы развития индустриального общества уже преодолены на историческом пути. Сегодня общество находится уже на своем постиндустриальном пути развития, но все то лучшее, что было связано с развитием индустриального общества необходимо учитывать для понимания социальной критики индустриального общества.

Обращение к философскому наследию Маркузе связано с тем, что, как нам известно, любая философская и социальная теория, а особенно «критическая теория» индустриального общества Маркузе имеет положительные результаты и непосредственное влияние на умы подрастающего поколения, благодаря своему

критическому отношению к существующему политическому, экономическому и социальному порядку, утвердившемуся в обществе. Все положительные моменты «критической теории» индустриального общества Маркузе необходимо вдумчиво осмысливать и использовать в научных исследованиях, т.е. учиться критически относиться к противоположным выводам, самостоятельно мыслить и делать правильные умозаключения о характере и развитии будущего общества подрастающему поколению.

Следует также обратить внимание при исследовании предложенной темы на то, что не только Маркузе, но и Карл Ясперс (1883-1969), как прогрессивно мыслящие философы, отчетливо понимали, что особую значимость в процессе развития общества, науки, техники и общественной практики приобретает усвоение и реализация огромного гуманистического потенциала, содержащегося в трудах выдающихся представителей философской и педагогической мысли. И только при усвоении творческого использования этого потенциала работа по преодолению узко техницистских и сциентистских представлений нашего времени, по гуманизации человека и человеческих отношений может оказаться результативной,

и молодежь, обогащая свои знания прошлыми разработками в философии, не только расширяет свой научный кругозор, но вырабатывает в себе критическое отношение к уже созданным «критическим теориям».

«Критическая теория» высокоразвитого индустриального общества появилась у Маркузе в результате наблюдения за техническим развитием Америки, страны в которой появляются основы к возникновению общественного состояния, названного им как состояние «социальной одномерности». «Одномерному обществу» и «одномерному человеку» посвящена его «критическая теория». «Критическая теория» индустриального общества возникла не на пустом месте в научном творчестве Маркузе, а в результате глубокого изучения научных работ его предшественников и единомышленников: Хайдеггера, Фрейда, Хоркхаймера, Адорно и других философов, научные изыскания которых стали теоретическими источниками «критической теории» индустриального общества для Маркузе. В своих ранних работах Маркузе подтверждает, что на его научное творчество большое влияние оказал Мартин Хайдеггер (1889-1976), который в последствии стал его учителем. В 1928 г. Маркузе вместе с учениками Хайдеггера издаёт сборник философских работ, посвящённых книге Хайдеггера *«Бытие и время»*. Статья Маркузе в этом сборнике была названа *«К феноменологии исторического материализма»*. В этой работе Маркузе обращается к марксизму как учению, заслуживающему, по его мнению, внимания, но требующему переосмысления через другое учение, для того чтобы марксизм вновь обрел свою действительную ценность и восстановление «истинных идей» Маркса. Таким учением, способным обновить марксизм, молодой Маркузе считал экзистенциализм. По мнению Маркузе, ценность учения экзистенциализма состоит в том, что оно глубоко раскрывает проблему «историчности». В статье Маркузе *«К феноменологии исторического материализма»* мы соприкасаемся с первой в истории философии попыткой «соединения взглядов Хайдеггера и Маркса». В своей книге *«Поход Маркузе против марксизма»* отечественный философ Э.Я. Баталов пишет, что Маркузе понимает марксистскую философию истории «как теорию исторической возможности радикального действия, призванного создать новую историческую действительность и свободного целостного

человека. Носителем новой действительности является сознательный общественный человек, единственным полем деятельности которого является история, раскрывающаяся как основная категория человеческого существования. Подчеркивание активного, субъективного момента сочетается здесь с фактическим отрицанием объективного, закономерного момента общественного исторического развития, теория исторического материализма подменяется Маркузе субъективно-идеалистическим толкованием истории как результата сознательной деятельности человека вообще, а не конкретно-исторического человека. Объект как продукт «действия» превращается в исключительное порождение субъекта, объективная история — в результат субъективных «решений», а анализ объективных закономерностей подменяется общими рассуждениями об «отчуждении», «овеществлении», «опредмечивании»¹.

Марксизм, как говорили мыслители, является «непревзойденной философией нашей эпохи». Сторонниками идеи обновления марксизма помимо Маркузе были также Жан-Поль Сартр (1905-1980) и Раймон Арон (1905-1983). Арон в книге *«История и диалектика насилия. Анализ сартровской «Критики диалектического разума»»* выделяет мысль о том, что книга Сартра *«Критика диалектического разума»* также представляет интерес не только в связи с марксизмом, но, если говорить в более широком смысле, «со всей философией истории, которая требовала соединить человеческое прошлое с теорией коллективного спасения»². В связи с этим следует сказать, что Арон, анализируя творчество Сартра, заметил парадокс в сартровской приверженности не к марксизму-ленинизму, а к марксизму или в некотором роде гегельянствующему, или экзистенциальному марксизму. Именно на основе экзистенциализма Сартр пытается восстановить марксизм и дать ему трансцендентальное обоснование, сопоставимое с его собственной философией.

Когда Маркузе говорит о «сознательном общественном человеке», как отмечает Э.Я. Баталов, он трактует его, опираясь на одну из основополагающих идей Хайдеггера, которая утверж-

¹ Баталов Э.Я. Поход Маркузе против марксизма. М., 1978. С. 21-22.

² Aron P. History and the Dialectic of Violence. Analysis of Sartre's Critique de la Raison Dialectique. New York, 1975. P. XXIV.

дает, что «самосознание людей, осуществляясь в тех или иных формах отчужденного, ложного сознания, тем самым определяет и отчужденные способы существования людей и соответствующие формы общества и их историю. Экзистенциализм, полагает Хайдеггер, подтверждает непреодолимое противоречие между свободным самосознанием (экзистенцией) внеисторического индивида и теми способами отчужденного сознания, в которых это субъективное самосознание вынуждено существовать, объективируя себя в языке, в феноменах общественного сознания, различных видах идеологии, философии. И это противоречие, из которого затем выводятся все противоречия общественного бытия, возникает из самой субъективной заинтересованности человека в сохранении и обеспечении своего существования»³. Маркузе через всю свою философскую деятельность пронес и сохранил верность этой основной идее фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Сохранение верности основной идее фундаментальной онтологии Хайдеггера приводит Маркузе к идеалистической позиции, которая прослеживается тогда, когда он рассматривает конкретные вопросы существования человека в условиях индустриального общества. Маркузе критикует и отвергает индустриальное общество с позиций человека вообще. Согласно его воззрениям, революционное действие, направленное на преобразование индустриального общества, развивается не в русле классовой борьбы, как считали приверженцы марксистско-ленинской теории, а сводится к изменению человека «в его экзистенции». При таком понимании исторический материализм превращается из науки, отражающей объективные законы развития общества, в чисто субъективное решение, определяющее затем и соответствующие активные действия индивида. По Маркузе, преобразование общества как объекта исторического воздействия индивида зависит в конечном счете от состояния данного индивида, ибо само общество оказывается тождественным состоянию сознания. Как говорят классики марксизма, эта концепция Маркузе глубоко ошибочна, ибо преобразование общества требует прежде всего преобразования его социально-экономических основ. Во-первых, невозможность для господ-

ствующего класса сохранение в неизменном виде своего господства. Для возникновения революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. Во-вторых, обострение выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. В-третьих, значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс.

В начале научного исследования мы обратили внимание читателей на влияние идей Хайдеггера на философские взгляды Маркузе, но, для того чтобы понять воззрения Маркузе, необходимо прежде всего обратить внимание на основные идеи наиболее видных представителей философии, которые были восприняты Маркузе. К идейным источникам, повлиявшим на формирование воззрений Маркузе, следует отнести философию психоанализа Фрейда. Фрейдовская концепция была переосмыслена Маркузе. Опираясь на идеи Фрейда, Маркузе пытался выяснить, какими средствами пользуются правящие силы в США для прочности своего положения и исключения всякой возможности «критического отрицания» существующего строя. Эти проблемы подводят Маркузе к созданию теории «одномерного человека», которую он изложил в своей книге *«Одномерный человек»* (1964). Обращаясь к философии психоанализа Фрейда, Маркузе однако решительно отрицает утверждение о том, что он якобы подменяет марксизм фрейдизмом. Он настаивает на том, что у него марксизм интерпретируется в духе Фрейда. Согласно идеям Фрейда, как их истолковывает Маркузе и как подтверждает в своих научных работах российский философ и исследователь В.М. Лейбин, в подсознательных мотивах поведения человека происходит непрерывная борьба основных инстинктов, например, жизнеутверждающего эроса и инстинкта смерти (Танатоса). Но человек в борьбе с природой и общественной средой вынужден подавлять, а затем преобразовывать проявление инстинктов и руководствоваться «принципом реальности». По Маркузе, неограниченное удовлетворение первоначального инстинктивного стремления к наслаждениям опасно для жизни человека в обществе, и поэтому он вынужден «принцип удовлетворения» подчинить «принципу реальности». Человек ограничивает и видоизменяет удовлетворение своих потребностей в соответствии с реальными общественными условиями. Его потребности подменяются более «культур-

³ Баталов Э.Я. Поход Маркузе против марксизма. М., 1978. С. 35.

ными», подчиняющими человека обществу. Человеческая культура оказывается, таким образом, результатом подавления и преобразования инстинктов в социально-полезную деятельность, но вместе с тем это подавление ведет к порабощению индивида обществом. При таком толковании культуры сводится на нет ее классовый характер и противоречивые тенденции ее развития в условиях классового общества, раскрытые марксизмом. Таким образом, культура, рассматриваемая в ее историческом развитии, лишается качественного измерения, выступает как чисто количественный процесс, как эволюция человеческих инстинктов. Разум человека, способность суждений и оценок также выводятся Маркузе, как и Фрейдом, из подавления и видоизменения инстинктов и потребностей человека в обществе. Разум становится «репрессивным» орудием подавления инстинктивной природы человека. Маркузе утверждает, что лишь теория Фрейда позволяет понять подлинные причины противоречий индустриального общества и сделать правильные выводы о характере будущего, существующего без противоречий и пороков, нового общества.

Конечно же, философия психоанализа Фрейда не в состоянии разрешить реальные проблемы индустриального общества, а наоборот, способствует тому, что некоторые люди обращаются к миру ничем не ограниченной чувственности, развязанных инстинктов и самонаслаждений. Примером этому могут служить развернувшиеся в 50-60-е гг. XX в. массовые движения американской, английской, французской, итальянской молодежи, известные под названием «хиппи» или «детей любви», панков, битников и др., образовавших свою субкультуру и сформировавших общее контркультурное движение, которое имеет среди своих лидеров страстных почитателей Фрейда и Маркузе. В своей книге *«Философия контркультуры Теодора Роззак (очерк философской публицистики)»* российский философ М.А. Султанова, анализируя контркультурное движение XX в., пишет: «В русле контркультурного движения молодежь выражает свой протест и сопротивление установившимся нормам морали, стереотипам и ценностям старших поколений, нарушает все запреты, утверждает культ вседозволенности, вырабатывая свои экстравагантные поведенческие «коды», «коды» в стиле жизни, в языке, манере держаться, в одеж-

де, прическах и т.д., цель которых в том, чтобы как можно резче отличаться от взрослых и как можно сильнее их эпатировать, возмущать, вызывать моральную панику... (заставлять думать, пытаться понять!)»⁴. Неудовлетворенность молодежи господствующим порядком в обществе принуждает их кидаться в наркоманию, дикие оргии и совершать разгульные поступки. Такой протест позволяет им называть себя «свободными личностями», способными таким образом противостоять обществу, заявляя, что общество серьезно больно. И болезнь общества носит социальный характер. Объявляя себя «свободными личностями», протестующая молодежь понимает, что общество несовершенно и оно пока не может исправить существующий порядок. В действительности подобные виды пассивного протеста, не представляющие реальной опасности для индустриального общества, отвлекают молодежь от подлинной активной политической борьбы и в конечном счете лишь играют на руку тем, кто заинтересован в сохранении мира насилия, беззаконности и безнаказанности.

Другим идейным источником, оказавшим большое влияние на философские и социальные воззрения Маркузе, является теоретическое наследие представителей Франкфуртской социологической школы и особенно Макса Хоркхаймера (1895-1973) и Теодора Адорно (1903-1969). Маркузе, опасаясь гонений со стороны фашизма в Германии в 1933 г., решает не возвращаться на Родину из поездки в Швейцарию и эмигрирует сначала во Францию, а затем в США. И с этого времени судьба Маркузе оказывается тесно связанной с Франкфуртской социологической школой, сложившейся на базе Института социальных исследований под руководством Хоркхаймера. Некоторые представители Франкфуртской социологической школы, в связи с возникновением фашизма, эмигрировали во Францию, а другая часть эмигрировала в США, где эмигрировавшие сотрудники продолжали издавать свой научно-философский «Журнал социальных исследований», в Париже на немецком языке, а в США на английском. Франкфуртская социологическая школа и прежде всего ее теоретики: Хоркхаймер и Адорно оказали большое влияние на все дальнейшее развитие Маркузе как философа и социального критика.

⁴ Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Роззак (очерк философской публицистики). М., 2009. С. 26.

Нет сомнений, что Маркузе, создавая свою «критическую теорию» индустриального общества, опирался на идеи и гипотезы своих более знаменитых коллег», а именно: Адорно и Хоркхаймера. Маркузе посвятил Хоркхаймеру свою книгу *«Разум и революция»*. Хоркхаймер уже в 30-е гг. XX в. стремился создать новую философию, противопоставляя ее традиционной немецкой философии. Эта новая философия получила название «критической теории» общества. В системе философских и социальных идей Франкфуртской социологической школы «критическая теория» общества занимает центральное место. Следует отметить, что теоретические взгляды представителей «критической теории» общества формировались под сильным влиянием западноевропейской идеалистической философии. Идеи Хоркхаймера перекликаются с идеями Шопенгауэра, идеи Адорна — со взглядами Ницше, Хайдеггера, Гуссерля и Дильтея. Влияние последних оказало свое воздействие на мировоззрение Маркузе. Основные положения «критической теории» общества следующие: во-первых, критическое отношение к индустриальному обществу. Хоркхаймер, его ученики и последователи выступают против пороков и противоречий индустриального общества. Безусловно, критика пороков и противоречий индустриального общества представляет собой передовое и прогрессивное явление и оно имеет мотивы и причины для изменения, или улучшения существующего строя, но, к сожалению, «критическая теория» общества не только не предполагает какой-то позитивной альтернативы индустриальному обществу, но отвергает социализм как решение социальных проблем общества. Во-вторых, «критическая теория» отрицает роль рабочего класса «развитых индустриальных» стран как субъекта мирового исторического процесса. Хоркхаймер полагал, что рабочий класс утратил свою былую политическую активность в связи с удовлетворением его основных материальных потребностей, чему способствовал существующий строй массового потребления. В-третьих, критики индустриального общества объявляют интеллигенцию, молодежь, студенчество революционным потенциалом «развитого индустриального» общества, который становится «детонатором» (термин Сартра), приводящим в движение и действие интегрированный в существующую систему пролетариат.

Среди теоретиков Франкфуртской социологической школы своим интересом к философским проблемам выделяется Адорно, идеи которого легли в основу «негативной диалектики» Маркузе. Адорно многие годы активно участвовал в работе Франкфуртского института социальных исследований, а одно время возглавлял его. Все основные принципы Франкфуртской философско-социологической школы, которые были выше перечислены как характерные для «критической теории» общества, нашли свое выражение у Адорно. Адорно является одним из создателей «негативной диалектики». Его основной труд получил название *«Негативная диалектика»*. Смысл «негативной диалектики» состоит в том, что критикуются все пороки и противоречия индустриального общества и не указывается новый путь преобразования существующего строя. Адорно видит изъяны общества, пытается их исправить, но не найдя средств их излечения, он теряется в догадках, каким общество должно быть. В связи с этим необходимо вспомнить, что в истории философской мысли существует два основных типа «негативной диалектики». Один из них — «отрицательная диалектика» элейцев, софистов и скептиков, которая использовала приемы диалектического мышления в метафизических целях, но объективно способствовала развитию диалектических воззрений. Уже в 20-е гг. XX в. сложился второй тип «отрицательной диалектики», а именно: «отрицательная диалектика» неогегельянцев. У них «отрицательная диалектика» была пропитана мотивами безысходности, неразрешимости социальных противоречий. Ко второму типу принадлежит «негативная диалектика» Адорно. Отрицания Адорно показывают, что диалектика его недостаточно негативна, ибо она не раскрывает подлинной сущности индустриальной системы. Критика кризиса современной цивилизации в работах Хоркхаймера и Адорно — это критика идеалистического направления в философии. Этот идеалистический характер критики современной им цивилизации мы обнаруживаем у Маркузе, особенно в его «одномерном человеке».

Вкратце разобрав теоретические источники «критической теории» индустриального общества Маркузе, считаем возможным перейти к рассмотрению идей, непосредственно касающихся нашей темы: «Концепция «одномерного человека» (современная аранжировка взглядов Г. Маркузе)». Его концепция социаль-

ной критики индустриального общества, прежде всего американского, была изложена, как уже говорилось, в книге *«Одномерный человек»*. Эта книга сделала его известной личностью в мировом масштабе. Именно, благодаря идеям, сформулированным в этой книге, Маркузе, до этого почти неизвестный автор, стал одним из идеологов мелкобуржуазного движения, в которое входят интеллигенция, молодежь и студенчество.

Почему Маркузе дал своей основной книге — книге, посвященной анализу и критике «развитого индустриального» общества, — такой необычный на первый взгляд заголовок: *«Одномерный человек»*? Понятие «одномерности» («one-dimensionality») раскрывает, как считает Маркузе, сущность индустриального общества. «Одномерность» — это однородность, отсутствие четко выраженной активной позиции (социальной, политической, идеологической, художественной и т.д.). «Одномерность» означает отсутствие противодействия всякой критике, всякому выходу за пределы существующей системы отношений, привычек, оценок и, следовательно, ведет к примирению с существующим положением вещей. «*«Одномерный человек»*, — пишет Маркузе, — это человек, который внутренне несвободен, который так духовно изувечен, что единственным эталоном его мышления и поведения являются навязываемые ему извне суждения. Причем этот человек не замечает чуждого происхождения навязанных ему мыслей и образов поведения и воспринимает их как свои собственные. Более того, «одномерный человек» считает свое ложное подчиненное сознание «счастливым», а вовлеченный во внешнюю жизнь, он принимает ее как «удобную» и хорошую»⁵.

В книге *«Одномерный человек»* Маркузе обращает наше внимание на то, что существенной особенностью индустриального общества являются его огромные технические средства, которые несут не только и не столько блага людям, сколько всевозможные беды, страдания и разочарования. Являясь по своему назначению средством освобождения людей, техника на уровне автоматизации процессов производства и управления превращается в этом обществе в инструмент их угнетения. Иначе говоря, рациональность превращается в иррациональность.

«Общество в целом, — пишет Маркузе, — иррационально. Его производительность нарушает свободное развитие человеческих потребностей и способностей, его мир поддерживается с помощью постоянной угрозы войны, рост такого общества зависит от подавления реальной возможности ослабить борьбу за существование как индивидов, так и целых наций. Это подавление совершается иными методами, чем в предшествующие эпохи, ибо используются все современные средства. Интеллектуальные и материальные возможности современного общества неизмеримо возросли, но это лишь привело к тому, что расширилась сфера подчинения индивида обществу. В отличие от предшествующих обществ, современное общество одерживает победу над центробежными силами не столько благодаря террору, сколько благодаря технике, ошеломляя производительностью и повышая жизненный уровень»⁶. По убеждению философа, «развитое индустриальное» общество, благодаря науке и технике, полностью поглотило, растворило, интегрировало трудящиеся массы в утвердившейся системе. Маркузе полагает, что «технический прогресс, распространившийся на всю систему господства и координации, создает формы жизни (и власти), которые, по-видимому, примиряют силы, оппозиционные по отношению к системе, и разрушают или опровергают всякий протест именем исторических перспектив освобождения от тяжелого труда и господства. Современное общество, по-видимому, способно сдержать социальные качественные изменения, которые привели бы к установлению существенно отличных институтов, нового направления производственного процесса, новых форм человеческого существования. Это сдерживание социальных изменений есть, быть может, наиболее знаменательное достижение развитого индустриального общества; всеобщее принятие Национальной цели, двухпартийная политика, закат плюрализма, сговор между Бизнесом и Трудом в рамках сильного государства свидетельствуют об интеграции противоположностей, которая является результатом, равно как и предпосылкой, этого достижения»⁷. Маркузе, таким образом, хочет уверить читателей в том, что в рамках господствующей в индустриальном обществе системы отношений уже

⁶ Ibid. P. 9.

⁷ Ibid. P. 11.

⁵ Marcuse H. One-dimensional Man. L., 1964. P. 49.

больше нет места для антагонистических сил, ибо и пролетариат и правящий класс движутся в одном направлении, преследуют единые цели и разделяют, по сути дела, общие политические идеалы. Пролетариат, полагает Маркузе, теперь «интегрирован» в систему индустриального общества. И эта «интегрированность» носит, по Маркузе, «тотальный» характер. «В капиталистическом мире, — пишет автор *«Одномерного человека»*, — они (буржуазия и пролетариат) до сих пор являются основными классами. Однако развитие капитализма привело к таким структурным и функциональным изменениям этих двух классов, что они, по-видимому, больше не являются носителями исторических преобразований. Скрытая заинтересованность в сохранении и совершенствовании существующих институтов примиряет эти ранее антагонистические классы во все увеличивающемся масштабе... Ввиду отсутствия носителей социальных перемен критика находит себе место лишь на очень высоком уровне абстракции»⁸. Это высказывание призвано подтвердить мысль автора об «исчезновении» в «развитом индустриальном» обществе рабочего класса как «агента исторического процесса». Это якобы «исчезновение» происходит из-за превращения «развитого индустриального» общества в «тоталитарное общество». Соединенные Штаты предстали перед Маркузе как новая разновидность тоталитаризма, основанного уже не на грубом насилии, а на «технической рациональности». «Благодаря способу организации всей технической базы, индустриальное общество имеет тенденцию к тоталитарности. «Тоталитарная» — это не только террористическая координация общества, но также не террористическая, а экономико-технологическая координация, которая действует путем подчинения потребностей общим интересам»⁹.

Техника индустриального общества, по мнению Маркузе, помогает осуществить политику этого общества. «Сегодня политическая власть утверждает себя посредством организации технического аппарата. Правительство в развитом или развивающемся индустриальном обществе может удержаться и обезопасить себя только в том случае, если оно успешно справляется с мобилизацией, организацией и использованием

техники, науки и производства, необходимых для индустриальной цивилизации»¹⁰.

В книге, Маркузе касается мысли о том, что развитие техники ведет к отсутствию свободы: «существенной чертой технического прогресса является то удобное, спокойно допускаемое, демократическое отсутствие свободы, которое характеризует развитую индустриальную цивилизацию. На самом деле, что может быть более рациональным, чем подчинение личности задачам повышения производительности, чем замена индустриального предпринимательства более производительными корпорациями, чем ущемление национального суверенитета, когда он встает на путь международного организованного использования ресурсов?»¹¹.

Маркузе уделяет много внимания анализу состояния прав и свобод в индустриальном обществе. В связи с этим он отмечает, что права и свободы, которые являлись существенными факторами в процессе становления общества на ранних его этапах, теперь видоизменяются в связи с высоким развитием самого общества, поэтому права и свободы теряют свою традиционную суть и содержание. «Свобода мысли, слова и сознания были точно также как и свободное предпринимательство, которому они служили, средствами поддержки и защиты, существенно критическими идеями, предназначенными для замещения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры, более продуктивной и рациональной культурой. Будучи институционализированными, эти права и свободы разделили судьбу общества, интегральной частью которого они стали»¹². Т.е. по словам философа, свободы в индустриальном обществе меняют свое прежнее содержание. В современном мире, говорит Маркузе, «независимость мысли, автономия и право на политическую оппозицию лишены своей основной критической функции в обществе, которое выгладит свободным удовлетворить потребности индивидов в гораздо большей мере, благодаря способу своей организации. Такое общество просто требует принятия своих принципов и институтов и сводит оппозицию к дискуссии и развитию альтернативных политик в пределах status quo, и получается в

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 20.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² Ibid.

этом случае, что существует очень малое различие между осуществлением удовольствия потребностей авторитарной и не авторитарной системы. В условиях возрастающего уровня жизни несогласие с самой системой оказывается социально бессмысленным, и тем более в том случае, когда оно влечет за собой экономические и политические неудобства и угрозы гладкому процессу целой системы»¹³. Маркузе своей критикой индустриального общества просвещает умы мыслящей молодежи и прогрессивно ориентированных людей в том, что возрастающий уровень жизни трудящегося народа не развивает в нем бунтарские, революционные настроения, направленные на изменение существующего строя, а способствует примирительному, лояльному отношению к существующему строю. Трудящиеся массы не противостоят обществу, а отождествляют себя с ним, поэтому они из активных борцов за изменение существующего строя превращаются в пассивных созерцателей своей жизни.

Ведущие силы индустриального общества заинтересованы в стабилизации и развитии установившейся системы, они понимают, что этому способствует не только развитие техники и экономики, и что эти средства удержания власти становятся уже недостаточными. Возникает потребность в непосредственном воздействии на сознание масс, в создании материальных и духовных потребностей, которые бы отвлекали народ от настоящей борьбы за свои права. Новые способы борьбы за свободы, как утверждает Маркузе, были бы связаны с отрицанием существующих способов: «экономическая свобода означала бы свободу от экономики — от контроля со стороны экономических сил и отношений, свободу от ежедневной борьбы за существование и зарабатывание на жизнь, а политическая — освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы в возрождении индивидуальной мысли, поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с его изготовителями. То, что эти положения звучат нереалистично, указывает не на их утопический характер, но на мощь тех сил, которые препятствуют их реализации.

И наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закрепляющих устаревшие формы борьбы за существование»¹⁴.

Характеризуя «новые формы социального контроля», которые установившаяся система внедряет в общество, чтобы существующий строй не был подвергнут изменению, Маркузе выделяет в них три элемента. Первый сводится к искусственному созданию и удовлетворению порабощающих потребностей. В индустриальном обществе «мы вновь сталкиваемся с рациональным характером его иррациональности. Его продуктивность, его способность совершенствоваться и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать разрушение, то в какой степени цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела — все это ставит под сомнение само понятие отчуждения. Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своем автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании, Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился и общественный контроль теперь основан на воспроизведении все новых потребностей, производимых обществом»¹⁵.

Вторым элементом «нового социального контроля» оказываются «средства массовой коммуникации» — телевидение, радио, печать и т.д. Речь идет не просто о том, что идеи господствующего класса средствами массовой информации шире вносятся в умы людей. Налицо новый способ формирования общественной психологии, когда пролетариат перестает понимать, что среда чужда его индивидуальности и его основной функции. Здесь, по словам Маркузе, свою идеологическую функцию обнаруживает так называемое уравнение классовых различий. Эта мысль подтверждается рассуждением Маркузе о том, что «когда рабочий и хозяин наслаждаются одной и той же телевизионной программой и посещают одно и то же место отдыха, когда машинистка одевается столь же привлекательно, как и дочка ее хозяина, когда негр владеет машиной «Кадиллак», когда все

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 21.

¹⁵ Ibid. P. 23.

они читают одни и те же газеты, тогда это уравнение указывает не на исчезновение классов, а на размер участия порабощенного населения в потребностях и их удовлетворении, служащих сохранению Истэблшмента»¹⁶.

Наконец, третьим элементом «новых форм социального контроля» являются новейшие приемы, заставляющие индивида непосредственно отождествлять себя со своим обществом. Это приемы формирования человеческих отношений на предприятиях и учреждениях и создания утонченной социальной демагогии с привлечением науки, воздействующей на психику человека, предупреждают о необходимости образования опасных оппозиционных настроений для индустриального общества.

Исходя из утверждения о том, что интеграционные процессы, происходящие в индустриальном обществе, установившаяся система стремится использовать для формирования «одномерного», т. е. послушного, некритически мыслящего индивида, настроенного защищать утвердившуюся социальную действительность, Маркузе склонен видеть причину всех социальных зол, сосредоточенных в «одномерности», в создании отлаженной системы производственных, управленческих и культурных институтов, опирающихся в своей деятельности на современную технику. Маркузе полагает, что «производственный аппарат, товары и услуги, которые он производит, «продают» или навязывают социальную систему как целое. Средства массового передвижения и коммуникации, такие товары, как мебель, пища, одежда, не приостанавливающийся выпуск материалов для развлечений, производство информации несут с собой предписанные отношения и привычки, определенные интеллектуальные реакции, которые привязывают потребителей более или менее приятным способом к производителям и, таким образом, к целой системе. Предлагаемые продукты помогают формированию определенных доктрин и управляют, укрепляют фальшивое сознание, фальшивость которого скрыта. Поскольку эти товары предназначены для все большего числа социальных классов, индоктринация, которую они несут, перестает быть публичностью, она становится образом жизни... Так возникает модель одномерной мысли и поведения, когда мысли, желания

и цели, по своему содержанию стоящие выше установленного мира рассуждения (discourse) и действия, или отвергнуты, или сведены к условиям этого мира»¹⁷.

В «развитом индустриальном» обществе образ мыслей должен соответствовать тем мыслям, которые нужны установившейся системе данного общества, его законам и порядкам. Поэтому философ с полной уверенностью утверждает, что «новый образ мыслей сегодня преобладает в философии, психологии, социологии и в других сферах. Многие из наиболее волнующих понятий «уничтожаются», поскольку оказывается, что их нельзя адекватно выразить терминами операций или поведения. Радикальная атака эмпиризма... приводит к тому, что интеллектуалами создается методологическое обоснование лишения разума престижа — позитивизм, отрицая трансцендентные элементы разума, формирует академический дубликат поведения, требуемого обществом»¹⁸.

Критикуя «развитое индустриальное» общество и говоря о том, что оно способствует формированию «одномерного человека», Маркузе, однако, не считает социализм действительной альтернативой «развитому индустриальному» обществу; более того, он утверждает, что «одномерное общество» возможно и при социализме. Он признает, что социалистическое общество имеет больше предпосылок для «умиротворительного существования», нежели капиталистическое, однако социализм, по его мнению, все же не является истинным «умиротворенным обществом». ««Умиротворенное общество», - пишет Маркузе, — это общество свободное не только от эксплуатации, но также и от дисциплины вообще. Свобода от угнетения — это не только свобода от экономического, социального и политического порабощения, это свобода «от любой репрессии», т.е. «свобода от любого вида включения в социальную структуру», ибо включение в структуру (даже добровольное) создает будто бы потерю престижа, внутреннюю репрессивность, недовольство и т.п., которое несовместимо с понятием «умиротворенного общества». «Одномерную» мысль постоянно поддерживают политики и служащие, или поставщики массовой информации. Их мир рассуждений (discourse) населен самооцениваемыми гипотезами, которые,

¹⁶ Ibid. P. 24

¹⁷ Ibid. P. 26-27.

¹⁸ Ibid. P. 27-28.

будучи постоянно повторяемыми, становятся гипнотически действующими определениями или доктринами. Так «свободными» считаются институты, оперирующие (или которыми оперируют) в странах свободного Мира; другие же формы свободы определяются как анархизм, коммунизм или пропаганда... Такая тотальная логика по отношению к совершившимся фактам имеет своего двойника на Востоке. Там свобода — это образ жизни, институциализированный коммунистическим режимом, а все другие образы свободы рассматриваются как капиталистические, ревизионистские, как левое сектанство. В обоих лагерях неоперационалистские идеи рассматриваются как подрывные и изгоняются из образа жизни, а всякое движение мысли останавливается перед барьерами, которые предстают как границы самого Разума»¹⁹.

В книге Маркузе остается верен своей главной задаче: исследование идеологии «развитого индустриального» общества. В ней разбирается вопрос о том, что из себя представляет рабочий класс как политическая сила на данном этапе развития общества и какие функции выполняет рабочий класс в «развитом индустриальном» обществе. Мыслитель не отрицает, что в индустриальном мире все еще есть основные классы — правящий класс и пролетарии. Но техническое развитие индустриального общества, утверждает Маркузе, так изменило структуру и функции правящего класса и пролетариата, что они перестали быть «носителями» социальных преобразований. Отмечается, что если в доиндустриальных обществах рабочий класс был тотально отчужденным, то в индустриальном обществе рабочий класс интегрирован в общество. Его сознание подверглось значительной трансформации и в связи с этим можно указать на главные причины, способствующие этому преобразованию.

1) Это преобразование происходит, по мнению Маркузе, прежде всего потому, что в результате технического прогресса и процесса автоматизации современный рабочий теряет будто бы профессиональную самостоятельность и политическую значимость, которые раньше делали его членом класса, обособленного от других, и он перестает отличаться по характеру занятости от других социальных групп. Согласно Маркузе, пролетариат же утрачивает

свою физическую энергию в производственном процессе.

2) Кроме того, Маркузе отмечает, что падение политической мощи оппозиции рабочего класса обусловлено общим уменьшением в результате технического прогресса доли рабочей силы в процессе производства, тем, что в ключевых отраслях промышленности рабочая сила «синих воротничков» падает по сравнению с персоналом в «белых воротничках», происходит увеличение числа непроизводственных рабочих, т.е. снижается количество «синих воротничков».

3) Согласно концепции Маркузе об «одномерном человеке», в «одномерном обществе» господствующим становится мнение о том, что изменения, происходящие в характере труда и средствах производства, меняют сознание и поведение рабочего класса, приводят к интеграции рабочего класса с индустриальным обществом. «Главным фактором «интеграции» рабочего класса с индустриальной системой является его материальное благополучие, гарантируемое техническим прогрессом. В связи с этим развивается общий интерес всех членов индустриального общества к защите status quo и укреплению и совершенствованию установленного социального порядка. Следовательно, в обществе изобилия пролетариат перестает быть «классом для себя»; рабочие утрачивают классовое сознание и превращаются в манипулируемых индивидуумов, которым правящие круги вместе с «хорошими» товарами навязывают также и соответствующие чувства, желания и мысли. Зачем таким индивидам самим чувствовать, думать и вообще что-то собой представлять?»²⁰.

Рабочий класс «интегрируясь» в индустриальную систему, теряет свою «противоположность» правящему классу, становится его послушным слугой по ряду существующих причин, указанных выше, поэтому субъективная потребность в каких-либо социальных преобразованиях исчезает, хотя объективные противоречия индустриальной системы выявляются сильнее, чем прежде, поэтому объективная необходимость общественного преобразования общества становится все более тревожной.

Из всего сказанного ясно, что если рабочий класс не является передовым, революционным классом, преобразующим «развитое индустриальное» общество, то в этой связи уместно

¹⁹ Ibid. P. 28.

²⁰ Ibid. P. 60.

коснуться вопроса: кого же Маркузе считает революционным классом и почему? При разборе этого вопроса надо учесть следующее: Маркузе говорит, что в «развитом индустриальном» обществе объективный и субъективный факторы преобразования общества не совпадают. Объективный фактор, т.е. человеческая база процесса производства, существует в лице индустриального рабочего класса; субъективный фактор, т.е. политическое сознание, существует в лице интеллигенции и молодежи. Оказывается, что рабочий класс развитых индустриальных стран, по Маркузе, может быть назван революционным лишь с точки зрения потенциальной силы, но реально он уже не является таковым, ибо «развитое индустриальное» общество «интегрировало» рабочий класс в свою систему, лишив его роли основной и ведущей силы, революционно отрицающей это общество. Только интеллигенция, молодежь и студенчество и «третий мир» способны взять на себя революционную инициативу и пробудить рабочий класс от застоя, используя его в качестве грубой физической силы для разрушения существующего строя. Интеллигенция, молодежь и студенчество являются новой революционной социальной силой, по мнению Маркузе, потому что их социальное положение заметно изменилось в последние десятилетия. Раньше интеллигенция оставалась в массе своей не втянутой в систему существующих в обществе отношений, т.е. «маргинальной» по отношению к пролетариату и правящему классу социальной группой. Их труд носил свободный и творческий характер. Студенчество утратило некогда довольно прочную связь с господствующими слоями, из недр которой оно выходило. Теперь студенчество формируется практически из всех социальных групп и классов и, получив образование, определенная часть студенчества вливается в ряды безработных. Эти обстоятельства выступают в качестве одной из движущих сил «революционных движений» интеллигенции и студенчества.

Маркузе прав, когда он говорит о возрастающей роли интеллигенции, к которой принадлежит и студенчество в «развитом индустриальном» обществе. Но он неправ, противопоставляя «революционность» интеллигенции, студенчества, молодежи «пассивности» рабочего класса, видя только в них ведущую силу общественного переустройства. По марксистско-ленинской теории, рабочий класс был и остается объективно

и субъективно главной и решающей силой революционного преобразования общества, но на данном этапе развития постиндустриального общества существуют другие демократические и парламентские способы улучшения и преобразования общества.

Рассматривая революционное движение в мировом масштабе, Маркузе в своих последних работах выдвигает новую концепцию — концепцию «третьего мира». По мнению Маркузе, «третий мир» является как бы внешней силой, способной избавить общество от существующего строя. Маркузе считает, что центр борьбы против существующего строя переместился в «третий мир». Он рассматривает «третий мир» как внешнюю силу, способную изменить существующий строй и весь мир, и прежде всего «богатые нации». К «бедным нациям» он относит слаборазвитые страны, т.е. страны «третьего мира». «Третий мир» со своим национально-освободительным движением, по его мнению, выступает в качестве главной революционной силы в обновлении общества.

Известная книга Маркузе *«Одномерный человек»* также посвящена вопросам культуры. В книге автор отвечает на вопрос, что происходит с искусством в «развитом индустриальном» обществе. Философ пишет: «Некогда «двухмерное» искусство, оставляющее просмотр для критического восприятия действительности, оно теперь тоже стало «одномерным», т.е. примиряющим с действительностью, ориентирующим зрителя на «вживание» в эту действительность. Оно стало апологетическим. Новой чертой сегодняшнего дня является сглаживание антагонизма между культурой и социальной реальностью путем устранения оппозиционных, чуждых и трансцендентных элементов в высокой культуре, благодаря которым она составляла иное измерение реальности. Эта ликвидация двухмерной культуры происходит не путем отражения и отклонения «культурных ценностей», а путем их воспроизводства и демократизации в широком масштабе. Фактически они служат инструментами социального сцепления»²¹.

Если высокая культура была сторонницей всего передового, нового в прошлом, то в «развитом индустриальном» обществе, по Маркузе, наблюдается «падение культуры». Этот процесс связан с прогрессом технической рациональ-

²¹ Ibid. P. 58.

ности, с политикой индустриального государства. Для правящих кругов индустриального общества было спокойнее, если бы культура не будила в людях понимание тяжести и сложности их положения, а, наоборот, отвлекала бы их от реальной жизни. Согласно Маркузе, «прогресс технической рациональности уничтожает элементы оппозиции и трансцендентности в высокой культуре. Сегодня человек может больше, чем герой и полубоги культуры, он решил много неразрешимых проблем. Но он не оправдал надежд и разрушил истину, хранимую возвышенными образцами высокой культуры. Чтобы быть точнее, нужно сказать, что высокая культура была всегда в противоречии с социальной реальностью, и только привилегированное меньшинство наслаждалось ее благами и представляло ее идеалы. Эти две антагонистические сферы общества всегда существовали»²².

«Высокая культура, — пишет далее Маркузе, — является теперь инструментом социальной примиримости. Культура включена в установленный порядок, ее произведения демонстрируются в массовом масштабе. Культурой торгуют. Люди понимают, что политическая платформа не всегда должна быть истинной или справедливой, поэтому они не ждут, чтобы и культурные ценности были истинными. Высокая культура стала частью материальной культуры. И в этой трансформации она утратила суть своей правды»²³. Здесь утверждается мысль, что в условиях индустриального общества истинность культурных ценностей теряет свое значение и действующие лица литературы, кино — это не люди другого образа жизни, а, напротив, типы этого же самого образа жизни, и они служат утверждению, а не отрицанию установленного порядка.

Истинность произведений искусства, по мнению Маркузе, не ценится в индустриальном обществе, более того, власти индустриального общества стремятся любыми средствами замаскировать антагонистическое содержание культуры. «Истинная литература и искусство всегда считались (если вообще считались) одной из истин «более высокого» порядка, в который не должен вмешиваться и не вмешивался бизнес. В современный период изменилось различие между двумя порядками и их истинами. Все поглощающая власть государства уничтожает измерение

искусства, лишая его антагонистического содержания. В сфере культуры новый тоталитаризм проявляется именно в гармонизирующем плюрализме, где наиболее противоречащие произведения и истины мирно сосуществуют в условиях равнодушия»²⁴.

Маркузе обращает внимание на то, что в индустриальном обществе произведения классиков понимаются по-иному: антагонистические противоречия в их произведениях лишаются своей силы и сглаживаются. «Новые критики говорят, что классики оставили свои мавзолеи и ожили снова, что это произошло из-за того, что люди стали очень образованными. Это так, но обретая вновь жизнь, классики пришли к нам другими, чем они есть на самом деле. Они лишились своей антагонистической силы, отчужденности, бывшей самой оболочкой их истины, содержание и функции этих произведений существенно изменились. Если когда-то они выступали против status quo, то теперь это противоречие сглажено»²⁵.

Теперь в индустриальном обществе, пишет Маркузе, все чувства упрощаются и сводятся только к удовлетворению материальных потребностей. В «развитом индустриальном» обществе, замечает Маркузе, в любви эротическое свелось к сексуальному. «Если сравнить к примеру, занятие любовью на лугу и в автомобиле, во время прогулки любовников за городом и по Манхэттэн-стрит, то в первых примерах окружающая среда становится участником, стимулирует либидозное наполнение и приближается к эротическому восприятию. Либидо трансцендирует непосредственно эротические зоны, т.е. происходит процесс не репрессивной сублимации. В противоположность этому механизированная окружающая среда, по-видимому, преграждает путь такому самотрансцендированию либидо. Сдерживаемое в своем стремлении расширить поле эротического удовлетворения, либидо становится менее «полиморфным» и менее способным к эротичности за пределами локализованной сексуальности, что приводит к усилению последней»²⁶.

Маркузе критикуя «одномерное общество», обращает внимание на изменение языка, на его приспособление к условиям нового обще-

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 59.

²⁴ Ibid. P. 61.

²⁵ Ibid. P. 63.

²⁶ Ibid.

ства. «Рассуждение не опосредуется процессом понимания и оценки. Понятия, с помощью которых факты понимаются и преодолеваются, утратили свое подлинное лингвистическое значение. Без такого опосредования язык имеет тенденцию непосредственно отождествлять смысл и факт, истину и то, что принято считать за истинное, сущность и существование, вещь и ее функцию»²⁷. Функциональная нагрузка, которую несет конкретный язык (не говоря уже о культуре, имеющей в классовом обществе сугубо классовый характер) в зависимости от того, каковы конечные цели использования языка и в чьих руках находятся средства массовой коммуникации, меняет и сам этот язык. Маркузе говорит: «Обратите внимание на сокращения NATO, SEATO, UN, AFL-CIO, AEC, а также USSR GDR и т.п. Под этими сокращениями совсем не обязательно понимать то, что они обозначают. Это название стало официальным словом, постоянно употребляемым в обычной речи и «санкционированным» интеллектуалами, оно потеряло свою познавательную ценность; оно служит только для обозначения неопровержимого факта». И далее Маркузе продолжает свои рассуждения: «Этот стиль чрезвычайной конкретности. Вещь, отождествленная со своей функцией, более реальна, чем вещь отличающаяся от своей функции, а языковое выражение этой идентификации (через функциональное существительное и во множестве форм синтаксических сокращений) создает основной словарь и синтаксис, мешающий дифференцированию, отделению, отличению. Этот язык, постоянно навязывает образы и тем самым препятствует развитию и выражению понятий. Его непосредственность становится преградой для понятийного мышления и, таким образом, для мышления как такового, ибо понятие как раз является способом не отождествлять вещь и ее функцию»²⁸.

Маркузе отмечает, что это стиль менеджеров, политиков, экспертов. Синтаксис, с помощью которого фраза сокращена настолько, что не остается никакого свободного места между частями фразы, препятствует всякому развитию смысла. Затем Маркузе говорит, что может быть, индивид скептически относится к определению понятия. Но он встречает слово

только в таком контексте, который требует лишь узкого содержания этого понятия. И когда индивид вновь сталкивается с этим словом, у него возникнут лишь эти ассоциации и он, не имея времени на развитие смысла, будет действовать, ориентируясь лишь на такое содержание понятия, которое функционирует в массовых коммуникациях данного общества. Отсюда Маркузе делает вывод: «Коммуникации мешают развитию смысла».

В «одномерном обществе», утверждает Маркузе, люди не имеют собственного языка, они говорят языком газеты, рекламы, т.е. языком, констатирующим социальную «одномерность» и закрепляющим за словами те значения, которые служат интересам существующей системы. Неудивительно, заключает Маркузе, что «одномерное» искусство, «одномерный» язык равно как радио, кино, телевидение, реклама позволяют правящему классу воздействовать на сознание рабочего класса таким образом, что он начинает мыслить в выгодном для «манипуляторов» (т.е. для правящего класса) направлении, а его пролетарское сознание притупляется, и рабочий класс перестает быть «классом для себя», т.е. революционным классом.

Подводя итог предпринятому исследованию, необходимо отметить, что Маркузе, исходя из своих научных позиций и благодаря сильному влиянию его учителей на его творчество, создал утопическую «критическую теорию» «развитого индустриального» общества. Как показало время, «критическая теория» индустриального общества Маркузе оказалась некритической по своему содержанию. В дальнейшем Маркузе признавал, что он не может найти реальный путь построения нового общества и, не найдя путь обновления общества, о котором он мечтал, он завершает свою книгу «*Одномерный человек*» словами: ««критическая теория» общества не владеет понятиями, способными заполнить брешь между настоящим и будущим; не давая обещаний и не показывая примеров успеха, она остается негативной. Таким образом, она хочет сохранить верность тем, кто не имея надежды, отдает свою жизнь «Великому Отказу», протесту против существующего строя»²⁹.

²⁷ Ibid. P. 78.

²⁸ Ibid. P. 84.

²⁹ Ibid. P. 257.

Список литературы:

1. Баталов Э.Я. Поход Маркузе против марксизма. М., 1970.
2. Баталов Э.Я. «Новые левые» и Герберт Маркузе. М., 1970.
3. Баталов Э.Я. Философия бунта. М., 1973.
4. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М., 1971.
5. Давыдов Ю. Критика новых левых // Вопросы философии. 1970. № 2.
6. Замошкин Ю.А., Мотрошилова Н.В. Критична ли «критическая теория» общества Г. Маркузе // Вопросы философии. 1968. № 10.
7. Проблемы индустриального общества и научно-технический прогресс. М., 1970.
8. Социальная философия Франкфуртской школы. Критический анализ. М.-Прага, 1975.
9. Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Роззака (очерк философской публицистики). М., 2009.
10. Штейгервальд Р. «Третий путь» Герберта Маркузе. М., 1971.
11. Aron P. History and the Dialectic of Violence. Analysis of Sartre's Critique de la Raison Dialectique. New York, 1975.
12. Marcuse H. One Dimensional Man. L., 1964.

References (transliteration):

1. Batalov E.Ya. Pokhod Markuze protiv marksizma. M., 1970.
2. Batalov E.Ya. «Novye levye» i Gerbert Markuze. M., 1970.
3. Batalov E.Ya. Filosofiya bunta. M., 1973.
4. Bessonov B.N. Ideologiya dukhovnogo podavleniya. M., 1971.
5. Davydov Yu. Kritika novykh levyykh // Voprosy filosofii. 1970. № 2.
6. Zamoshkin Yu.A., Motroshilova N.V. Kritichna li «kriticheskaya teoriya» obshchestva G. Markuze // Voprosy filosofii. 1968. № 10.
7. Problemy industrial'nogo obshchestva i nauchno-tekhnicheskoy progress. M., 1970.
8. Sotsial'naya filosofiya Frankfurtskoy shkoly. Kriticheskiy analiz. M.-Praga, 1975.
9. Sultanova M.A. Filosofiya kontrkul'tury Teodora Rozzaka (ocherk filosofskoy publitsistiki). M., 2009.
10. Shteygerval'd R. «Tretiy put'» Gerberta Markuze. M., 1971.
11. Aron P. History and the Dialectic of Violence. Analysis of Sartre's Critique de la Raison Dialectique. New York, 1975.
12. Marcuse H. One Dimensional Man. L., 1964.